

Бледно-золотые лучи утреннего солнца ложились на лавандовую скатерть в мелкий цветочек. Женщина вышла из кухни, неся две тарелки с дымящимися баоцзы, и поставила их друг напротив друга.

— Сяомао, иди кушать.

Семнадцатилетний юноша уткнулся лицом в диванную подушку и глухо проворчал:

— Не хочу со свининой.

— Ишь какой привередливый!

Мать в шутку шлёпнула его по мягкому месту декоративной подушкой.

— А ну вставай. Сегодня же надо забрать уведомление о зачислении, а тебе хоть бы хны. Живее, они с кабачком и яйцом. И соевое молоко свежее, только выжала.

— Да ну? — Юноша мгновенно перевернулся, его глаза радостно блеснули. — Из заварного теста или на дрожжах?

Женщина лишь улыбнулась и покачала головой:

— Из заварного. Вчера специально ради тебя лепила.

— Спасибо, мам! Ты лучшая!

Обрадованный парень вскочил, крепко обнял её и усадил за стол.

Знакомый вкус, знакомое тепло домашнего уюта.

— Ну и привереда, — с любовью ворчала мать. — С твоими капризами ты без меня с голоду помрёшь.

Чу Цинюнь откусил кусочек баоцзы. В его голосе смешались детская ласка и упрямство:

— А зачем мне без тебя? Я маменькин сынок, буду с тобой всю жизнь жить.

Мать усмехнулась и легонько пихнула его ногой под стол:

— Не болтай глупостей. И не подлизывайся. Я вижу, что семья Чжоу настроена серьёзно. В конце концов, они дали тебе жизнь. Станешь богатым наследником во втором поколении — хоть не придётся переживать, что в этом твоём шоу-бизнесе тебя через постель продвигать будут... Пей молоко, а то остынет.

Тёплое, ароматное соевое молоко приятно обожгло горло — куда лучше той гадости, что разводят из сухого порошка.

— Вкусно?

— Очень. Намного лучше вчерашнего порошкового.

— А где это ты пил порошковое?

— Ну, на шоу...

На шоу?

Окружающий мир вдруг поплыл, искажаясь и распадаясь, словно старое воспоминание. Но Чу Цинюню было не до этого. Он обхватил голову руками, пытаясь нащупать логику в происходящем.

Ему ведь всего семнадцать. Он только-только поступил в Академию кинематографии. Сейчас он должен ехать в школу за документами... А потом по дороге он потеряет сознание. Очнётся уже на проекте.

Тогда... где мама?

Смутные образы обретали чёткость. Чу Цинюнь резко вскинул голову. Стул напротив, где только что сидела мать, был пуст.

Он опустил взгляд. Баоцзы исчезли. На столе стоял жёлтый бумажный стаканчик с логотипом — в таких вчера на съёмках давали растворимое соевое молоко.

Густой чёрный туман пополз со всех сторон. Ледяной холод просочился под кожу, поднимаясь от ног к самой макушке. Грудь сдавил первобытный, сковывающий ужас.

— Мама?

Чу Цинюня била крупная дрожь. Голову, сердце, желудок сжало тупой, невыносимой болью, тянущей на самое дно.

Он попытался встать, но комната снова изменилась. Исчез уютный маленький дом, где он прожил семнадцать лет. Вокруг раскинулся заброшенный пустырь с ровными рядами белых мраморных плит.

Кладбище.

Чу Цинюнь пересмотрел слишком много фильмов, чтобы не узнать это место. Именно таким он когда-то представлял собственное последнее пристанище.

Позади раздался противный, до боли знакомый голос:

— Можешь строить из себя сильного сколько угодно. Главное — дорогу к могиле тётушки Чу не позабудь.

— Заткнись!

Грудь Чу Цинюня разрывало от ярости, но сил обернуться не было. Он отчаянно пытался бежать, но тело словно налилось свинцом. Каждое движение давалось с нечеловеческим трудом. Невидимые руки хватали его за ноги, утягивая назад, вниз, в беспросветную бездну.

— Мама! — беззвучно закричал он и распахнул глаза.

Вокруг царил полумрак. Дыхание перехватило, и ему пришлось часто заморгать, чтобы привыкнуть к темноте.

Это был всего лишь сон?

Память медленно возвращалась на место. Он вспомнил: это общежитие проекта «Пик актёрского мастерства». С тех времён, что он только что видел во сне, прошло четыре года.

Чу Цинюнь приоткрыл рот, силясь вытолкнуть застрявшее в горле слово «мама», но связки не повиновались. Чудовищная усталость навалилась на плечи, приковав к постели. Он не мог даже пошевелить пальцем.

Грудь словно сдавило каменной плитой, мешая дышать. Волна отчаяния и тоски поднялась из глубины души, грозя захлестнуть его с головой.

В ушах эхом зазвучал тот же ехидный голос, так похожий на голос Чжоу Чи:

«Смирись, она мертва...»

«Единственный человек, который любил тебя, мёртв...»

«Весь интернет тебя ненавидит, твоя карьера растоптана...»

«Зачем тебе жить? Уходи вслед за ней...»

«Прыгай... Ну же, прыгай...»

Сознание стремительно соскальзывало в черноту. Он не чувствовал собственного тела, но ему казалось, будто слёзы текут из глаз внутрь, пропитывая подушку.

Жив ли он вообще? Или уже ушёл вслед за матерью?

Недавний сон был настолько осязаемым, что реальность последних дней — Переселенец в книгу, четыре года забвения, система — казалась нелепой фантазией воспалённого разума.

Но если он мёртв, почему так невыносимо болит сердце?.. Это болезнь?

Система что-то говорила об этом, но он тогда не придал значения. Переселенец в книгу оставил ему в наследство расшатанную психику.

Тяжёлое клиническое расстройство, которое вор использовал как дешёвый инструмент для пиара и завоевания жалости публики, теперь разрушало тело настоящего Чу Цинюня.

Всё из-за этого ничтожества!

В один миг морок рассеялся. Смертельное оцепенение отступило. Боль в груди и удушающее отчаяние обрели чёткого врага — и этот враг не принадлежал ему.

Чу Цинюнь с трудом заставил себя сфокусировать взгляд. Перед ним действительно была комната общежития.

Голоса в голове продолжали нашептывать яд. Он не мог говорить вслух, но его разум набрал достаточную силу, чтобы ответить внутренне.

«Заткнись».

Исчезновение матери было слишком странным, её ещё можно найти. Его мечта не разрушена — он на актёрском проекте, и победа принесёт ему роль в новом проекте Балабала. В этом мире всё ещё есть люди, ради которых стоит жить. И самый важный из них — он сам. Если мама жива, он найдёт её. Если нет — отомстит. С какой стати он должен сдаваться?

Того, кто устроил всё это, он сам столкнёт в пропасть.

— Надо же, ничтожество. Днём проиграл мне, так решил отыграться ночью? — прохрипел Чу Цинюнь.

Сила, тянувшая его вниз, обрела мысленный образ — это были никчёмные руки вора, посягнувшего на его жизнь. Не бывать тому, чтобы он сломался под гнётом болезни, оставленной этой тварью.

Энергия тонкими струйками возвращалась в тело. Преодолевая чудовищную тяжесть, сковавшую конечности, Чу Цинюнь поднял руку и резким движением смахнул с прикроватной тумбочки сценарий.

Планшет с грохотом упал на пол. Этот резкий звук разорвал ночную тишину и избавил юношу от оцепенения.

Он резко сел, тяжело дыша, словно только что вырвался из лап смерти. Холодный пот градом катился по лицу, смачивая отросшие пряди волос.

— Чу Цинюнь, что случилось?

В их двухместной комнате кровати стояли рядом, разделённые плотной шторой. Шао Жань отодвинул ткань и обеспокоенно заглянул к нему:

— Я услышал, как что-то упало. Ты в порядке?

Красный огонёк на потолке мерно мигал, напоминая о работающей камере стрима. Чу Цинюнь опустил голову и тихо, едва слышно прошептал: «Мама». Убедившись, что голос вернулся, он с облегчением выдохнул и бессильно откинулся на подушки, прижав одну руку к груди, а другую положив на лоб.

— Всё нормально. Просто кошмар приснился.

— Сильный?

Чу Цинюнь лишь неопределённо качнул головой, борясь с тупой болью в сердце.

Шао Жань полностью задвинул штору, включил неяркий ночник и подошёл к его кровати:

— Тебе плохо? Давление упало? Может, лекарство нужно?

Лекарство? Точно, вчера перед уходом Система принесла ему какой-то пузырёк.

Чу Цинюнь попытался приподняться, но Шао Жань мягко удержал его за плечо:

— Лежи, я сам принесу. Где оно?

— Во внутреннем кармане куртки.

Шао Жань быстро нашёл куртку на вешалке. Название на флаконе — «Флуоксетин» — заставило его на секунду нахмуриться. Налив воды, он вернулся к постели и встал так, чтобы его спина надёжно закрывала лицо Чу Цинюня от объектива камеры.

Флакон был запечатан. Хоть Система и объяснила правила приёма, Чу Цинюнь сначала внимательно изучил инструкцию и лишь затем медленно проглотил таблетку.

Всё это время Шао Жань молча стоял рядом. В тишине комнаты слышался лишь тихий шорох разворачиваемой бумаги, но эта пауза не казалась неловкой.

Несмотря на глубокую ночь, у экранов всё ещё оставалось немало полуночников. Заметив, что трансляция из комнаты Чу Цинюня и Шао Жаня ожила, зрители начали активно подключаться к эфиру.

— Ты за весь вчерашний день съел от силы полчашки риса и выпил немного соевого молока, — тихо произнёс Шао Жань, забирая пустой стакан и придвигая стул к его кровати. — Неудивительно, что организм сдаёт.

Учитывая эти слова, сонные зрители решили, что парню просто стало плохо из-за истощения и низкого сахара в крови, и не придали значения таблеткам.

— Аппетита совсем нет, — прикрыв глаза, прошептал Чу Цинюнь.

— В местной столовой действительно готовят паршиво, — понимающе усмехнулся Шао Жань.
— Но нельзя же морить себя голодом.

Чу Цинюнь покрепче обнял край одеяла и негромко вздохнул:

— Не переживай. Я слишком дорожу своей жизнью.

В комнате снова воцарилось молчание.

Спустя пару минут Шао Жань негромко нарушил тишину:

— Поделишься, что приснилось?

Юноша лишь покачал головой и нахмурился, давая понять, что развивать эту тему не хочет.

— Давай просто поболтаем, — предложил Шао Жань, оперевшись локтями о колени. — Мне всё равно не спится. Если бы не бессонница, я бы и не услышал, как у тебя упал сценарий.

Чу Цинюнь медленно кивнул. Он убрал мешающие волосы назад и стянул их в небрежный хвост на затылке. К лицу постепенно возвращались краски:

— Хорошо... Расскажи, ты ведь сыграл столько ролей. Почему до сих пор маешься бессонницей перед съёмками?

— Я всю жизнь провёл на съёмочных площадках кино, а в театре ни разу не выступал. К тому же это конкурс... Ты ведь окончил Академию кинематографии, наверняка у тебя тоже был опыт?

— Кроме учебных этюдов и дипломного спектакля — ничего.

— Как так?

Чу Цинюнь горько усмехнулся:

— На втором курсе, сразу после подписания контракта, агентство отправило меня под замок. Заморозили.

Шао Жань на мгновение растерялся. Понимая, что тема контрактов и агентств слишком скользкая для прямого эфира, он неловко покосился на камеру и поспешил перевести разговор. Пошарив под кроватью, он достал плитку шоколада, разломил её пополам и протянул соседу:

— Держи. Не бойся, гепатитом не болею.

Вспомнив вчерашний утренний инцидент, Чу Цинюнь наконец слабо улыбнулся:

— Да при чём тут это? Я просто не ем горький шоколад.

— А ты бдительный, — рассмеялся Шао Жань, убирая свою половину.

— Привычка. В детстве я часто болел, и мама каждый день повторяла: все болезни — от грязных рук и плохой еды.

— Теперь понятно, почему ты устроил допрос Чэнь Сяоди. Значит, твоя привередливость — это тоже меры безопасности?

Чу Цинюнь недовольно прищурился на него.

Но Шао Жаня это ничуть не смутило, он лишь с любопытством уточнил:

— И как, в детстве за такие капризы не влетало?

Чу Цинюнь не выдержал и отвернулся, пряча улыбку. Напряжение в комнате окончательно растаяло.

— Ещё как влетало. Сколько себя помню, мы с мамой вечно ругались из-за еды. За капризы она ласково звала меня Сяомао.

— Сяомао? — Глаза Шао Жаня загорелись. — Как мило. Можно мне тоже тебя так звать?

Улыбка Чу Цинюня мгновенно исчезла, уступив место ледяной маске:

— Сам-то как думаешь?

— Сяомао? — шутливо попробовал Шао Жань.

— Не смей!

Только что апатично лежавший парень резко сел на постели, действительно напоминая взъерошенного кота. Он воинственно вскинул подбородок:

— Ещё раз так назовешь — я с тобой вообще разговаривать перестану.

— Ладно-ладно, сдаюсь, — примирительно улыбнулся Шао Жань, поднимая руки. — Буду звать тебя Сяо Чу. Идёт?

— Хм.

Чу Цинюнь демонстративно повернулся к нему спиной и натянул одеяло до ушей. Шао Жань тихо рассмеялся и вернулся на свою кровать.

— Ну... спокойной ночи?

— Спокойной ночи, — проворчал парень из-под одеяла.

Свет погас, комната погрузилась в тишину, но количество зрителей и сообщений в чате продолжало стремительно расти.

— А-а-а-а, я умираю от милоты! Какое счастье, что я не легла спать!

— Боже, какая атмосфера! Тут прямо искры летят!

— Если честно, Цинюнь вообще не выглядит как брошенный ребёнок. Он такой искренний, капризный в еде... Гораздо больше похож на залюбленного домашнего мальчика, чем тот же Чжоу Чи.

— Погодите, мама, о которой он говорил — это приёмная? В новостях про подмену детей в семье Чжоу хоть слово было про его приёмную мать? Мне так интересен его бэкграунд!

— Зачем вы обсуждаете его воспитание? Главное — Шао Жань и Сяомао безумно милые вместе! Какая нежность!

— Ого, а Шао Жань, оказывается, тот ещё хитрый лис! Раньше думала, он просто парень-рубаша, а он умеет так тонко дразнить.

— Ха-ха-ха, так ведь Цинюня грех не подразнить! Строит из себя недотрогу, а сам на всё соглашается. Чистый котейка, когда злится!

— В других комнатах с первого дня душу наизнанку выворачивают, а эти только-только лёд растопили. Они же раньше вообще не разговаривали.

— Точнее, Шао Жань пытался заговорить, а Чу Цинюнь его игнорировал.

— Значит, кошмар помог открыть сердце Сяомао? Обожаю их!

Вскоре в чат ворвались недовольные фанаты Чжоу Чи, и атмосфера мгновенно накалилась.

— Да ладно вам, здоровый парень называет себя «котёночком», аж тошно!

— Смешно. Чжоу Чи такой милашка, и то до подобного не опускается.

— Фанаты Чу, хватит примазываться к теме подмены! Не смейте трогать Чжоу Чи!

— С каких пор отсутствие манер называют милотой? Что с вами не так?

— О, Сестрицы-Пруды прибежали на запах.

— Вы серьёзно не видите, что это дешёвый прогрев для шипперов?

— Хейтеры Чу Цинюня, вы можете не трогать Шао Жаня? Он со всеми дружелюбен, а вы уже грязи понаписали!

В чате разгорелась настоящая война. Большинство нейтральных зрителей поспешили закрыть вкладку, но самые преданные поклонники успели сделать нарезку лучших моментов ночного эфира и выложить её в сеть.

В мягком свете ночника двое молодых людей — один мужественный и статный, другой изящный и тонкий — вели тихую, доверительную беседу. То, как один заботливо сидел у постели другого, как они перешучивались, создавало удивительно тёплую, почти интимную атмосферу.

К тому же Чу Цинюнь впервые показал себя с совершенно иной стороны — не холодной и колючей, а по-детски искренней. Видео мгновенно разлетелось по сети и к утру вышло в топ трендов Вэйбо.

#Потепление в отношениях Шао Жаня и Чу Цинюня#

#Двуличная сторона Шао Жаня#

Шао Жань, начавший карьеру ещё ребёнком, всегда пользовался хорошей репутацией в индустрии. А имя Чу Цинюня последние дни и вовсе не сходило с уст пользователей сети после его блестящей репетиции и обезоруживающей честности в столовой. Новый виток популярности закрепил успех.

Зрители, уставшие от наигранной драмы других участников, с восторгом наблюдали за тем, как одинокий, закрытый от всех парень медленно учится доверять своему первому другу на проекте.

Главный режиссёр шоу, проснувшись утром и взглянув на графики просмотров, едва не выронил чашку с кофе.

Даже с учётом набегов агрессивных хейтеров, каналы Чу Цинюня и Шао Жаня взлетели в топ рейтинга трансляций. Тысячи людей заходили на стрим только ради того, чтобы увидеть, как

изменились отношения в этой комнате после ночного разговора.

Впрочем, реальность оказалась чуть прозаичнее. Чу Цинюнь проснулся в своём обычном, слегка отстранённом настроении, и никакой излишней фамильярности между парнями не появилось.

Однако, когда Чу Цинюнь поднялся с кровати, Шао Жань мягко улыбнулся ему.

Младший мгновенно уловил намёк и предостерегающе прищурился:

— Только попробуй назвать меня так при всех.

Шао Жань беззлобно рассмеялся и по-дружески хлопнул его по плечу.

Чат буквально взорвался от восторга. Рейтинги стрима взлетели ещё на несколько позиций, прочно закрепившись в первой десятке. Камера послушно следовала за ними, ловя каждый совместный кадр, пока парни незаметно для всех обменивались понимающими взглядами.

Арендованная квартира

Короткостриженный сидел перед монитором, отслеживая тренды. Рядом расположился его странный наниматель, хмуро листая что-то в телефоне.

— Шеф, да не берите в голову. Этот тренд явно проплачен менеджерами Шао Жаня. Пиарщики его со всех сторон облизывают, сто процентов хайпятся на парочке.

Короткостриженный не спал всю ночь и выглядел как зомби, в отличие от своего босса, который бодрствовал с тем же живым, цепким взглядом.

— Всё, я отключаюсь. Сил больше нет.

— Спи, — Си Тун резко убрал телефон в карман. — Мне нужно уйти по делам. Следи за эфиром, если что — звони.

— Уже уходите? — Короткостриженный мгновенно оживился, мечтая поскорее выпроводить этого странного типа. — Понял, если что — напишу в вичат. Шеф, кстати, я так и не спросил, как вас зовут.

Мужчина уже стоял у порога, застегивая куртку.

— Си Тун.

*

Последний день подготовки пролетел незаметно. Чэнь Сяоди, несмотря на природную робость, оказался невероятно талантливым парнем. После нескольких совместных прогонов с Шао Жанем и Чу Цинюнем он наконец поймал нужный настрой и вжился в образ Лун Тяня.

В день съёмок зрительный зал был забит до отказа. Напротив сцены расположились кресла судей — трёх именитых режиссёров страны. Десяти парам участников предстояло сойтись в творческой дуэли. Проигравшая команда отправлялась на вылет, и лишь один лучший актёр из каждого трио получал шанс побороться в реванше.

Группа Шао Жаня выступала второй. Из-за кулис отчётливо доносились голоса их соперников — те играли на пределе возможностей, без единой помарки или забытой реплики.

Чэнь Сяоди заметно нервничал, сжимая кулаки перед камерами бэкстейджа.

Пока на сцене шёл первый раунд, к ним за кулисы заглянул преподаватель актёрского мастерства, учитель Ли.

Шао Жань поспешил навстречу:

— Учитель Ли? Вы разве не должны быть в зале?

— Вышел на минутку, решил заглянуть к вам, — улыбнулся тот. Он осмотрел их костюмы и удовлетворённо кивнул, остановив взгляд на Чу Цинюне: — Хорошо выглядите. Сыграйте достойно, текст отличный. И не давите на себя слишком сильно. Помните, что живой театр устроен иначе, чем кино с его монтажом. Это нормально.

— Спасибо, учитель. Я понял, — кивнул Чу Цинюнь.

Учитель Ли ободряюще похлопал его по плечу и поспешил обратно в зал. На сцене тем временем стихли последние аплодисменты — соперники закончили выступление.

— Ну, с богом, — Шао Жань заметно нервничал, его дежурная улыбка пропала. — Нам нужно пройти дальше, чтобы продолжить работу.

Чу Цинюнь согласно кивнул. Чэнь Сяоди принял это на свой счёт и расчувствовался:

— Брат Жань, брат Чу, спасибо вам! Я костыми лягу, но команду не подведу!

Занавес закрылся. Ведущий у сцены коротко беседовал с режиссёрами, пока техническая бригада в экстренном темпе меняла декорации.

Чу Цинюнь завёл руки за спину и накинул на запястья свободную верёвку — так, чтобы в нужный момент легко сбросить её по сценарию. Затем он прошёл вглубь сцены и лёг на левой стороне, скрытый от зрителей грудой бутафорских деревянных ящиков.

Все замерли в ожидании. Тяжёлый бархатный занавес медленно пополз в стороны.

Чу Цинюнь сделал глубокий вдох, настраиваясь на первую реплику.

И в этот момент его запястья обжёг ледяной пластик.

Кто-то стянул его руки плотной пластиковой стяжкой!

Микрофон-петличка уже работал, занавес открылся наполовину. Чу Цинюнь не мог издать ни звука. Он лишь успел резко обернуться и заметить в полумраке кулис стремительно удаляющийся силуэт.

<http://bllate.org/book/20480/2131042>